

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА ТИХОМИРОВА

В. Е. Ключко

ОНТОЛОГИЯ СМЫСЛА И СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ (РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЯЗИ С ЮБИЛЕЕМ О.К. ТИХОМИРОВА)

В статье рассматривается последовательность выхода культурно-деятельностной психологии, представленной именами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, О.К. Тихомирова, к онтологии смысла и психологическим механизмам порождения смыслов. Утверждается, что смысловая теория мышления О.К. Тихомирова преодолела пределы неклассических представлений о смыслообразовании и поэтому может рассматриваться в качестве составной части теоретико-методологического базиса современной когнитивной науки, осваивающей идеалы постнеклассической рациональности. Развиваемая сибирскими учеными системная антропологическая психология в своем развитии опирается на разработанные О.К. Тихомировым представления об онтологической природе операциональных смыслов и пытается определить возможности культурно-деятельностной психологии в новых (постнеклассических) условиях. При этом она опирается на представление о комплиментарном (избирательном и направленном) взаимодействии как механизме смыслообразования. Высказывается предположение, что комплиментарное взаимодействие проявляет себя на разных уровнях организации материи, тем самым обеспечивает устойчивость Универсума как саморазвивающейся системы.

Ключевые слова: смысловая теория мышления О.К. Тихомирова, теория психологических систем, смыслообразование, системная антропологическая психология, постнеклассическая наука, открытые системы, саморазвитие.

The paper shows the path from the cultural-activity approach, represented by the names of L.S. Vygotsky, A.N. Leontiev, O.K. Tikhomirov, to the ontology of personal meanings and to the psychological mechanisms of generation of such meanings. It is argued that O.K. Tikhomirov's personal meanings theory

Ключко Виталий Евгеньевич — докт. психол. наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии ф-та психологии НИ ТГУ (Томск). *E-mail:* klo@nextmail.ru

of thinking has exceeded the non-classical notions of sense formation and can therefore be considered as a part of the theoretical and methodological basis of cognitive science, dealing with the ideals of post-nonclassical rationality. Siberian scientists developed systematic anthropological psychology in its development is based on the O.K. Tikhomirov ideas about the ontological nature of operational meaning and tries to determine the possibility of cultural psychology in the activity of new (post-nonclassical) conditions. However, it relies on the notion of complementarity (selective and directed) as a mechanism of interaction of meaning. It is suggested that a complimentary interaction manifests itself at different levels of organization of matter, thus ensuring the stability of the universe as self-developing system.

Key words: O.K. Tikhomirov's semantic theory of thinking, theory of psychological systems, systematic anthropological psychology, postnonclassical science, open systems, self-development.

О.К. Тихомиров: опережая время

Когда к концу 1960-х гг. *Олег Константинович Тихомиров* (1933—2001) вывел зарождающуюся научную школу к проблемам экспериментального изучения смыслообразования в мыслительной деятельности, никто, в том числе и сам ученый, не мог предположить, что впоследствии и само научное направление получит название «смысловая теория мышления О.К. Тихомирова». Впрочем, вряд ли кто-нибудь из участников экспериментального проекта в полной мере осознавал подлинный уровень проблемы и ее объективную сложность, прежде всего теоретическую. Спустя полвека понятие смысла начнет реально претендовать «на роль центрального понятия в новой, неклассической или постмодернистской психологии» (Леонтьев Д.А., 2003, с. 4).

Поэтому в те уже относительно далекие времена заняться поисками эмоционально-смысловой основы избирательности познавательных и поведенческих актов было делом рискованным. Даже к началу 1980-х гг. «...вопросы внутренней, в частности эмоциональной регуляции деятельности, обеспечивающей ее “самодвижение”, “саморазвитие”, т.е. творческий характер, остаются наименее исследованными» (Васильев и др., 1980, с. 3). Заметим, что используемые понятия (самодвижение, саморазвитие), даже обрамленные кавычками, указывают на прорыв теории далеко за пределы парадигмальных устоев того времени. Та самая «новая неклассическая, или постмодернистская психология», которая создается сегодня (в том числе и под названием «постнеклассическая психология»), имеет главный определяющий признак, характерный для всех наук эпохи постнеклассицизма. Предметом их исследования являются саморазвивающиеся (в том числе и за счет присущей им способности к самоорганизации) системы.

Поэтому смысловую теорию мышления, концептуальные основы которой заложил О.К. Тихомиров, сегодня можно рассматривать в качестве составной части теоретико-методологического базиса современной когнитивистики, определяющего стратегии психологического исследования мышления как сложнейшего феномена в пространстве современной когнитивистики.

Тем не менее нам, ученикам и последователям О.К. Тихомирова, до сих пор приходится доказывать, что изучение смыслообразования в лаборатории О.К. Тихомирова сразу вошло в контекст поиска тех факторов, которые устанавливают избирательность и направленность мыслительной деятельности, или, говоря современным языком, выступают в качестве «параметров порядка» в саморазвивающихся системах.

Что представляет собой самоорганизация с синергетической точки зрения? Она происходит в *пространственно распределенных системах*, потенциально обладающих бесконечным числом степеней свободы за счет выделения небольшого числа переменных, определяющих динамику всей системы. Эти переменные и представляют собой искомые «параметры порядка». И выделение этих аттракторов, определяющих всю последующую историю становления системы, было и остается основной и крайне плохо поддающейся теоретическому осмыслению проблемой современной теории самоорганизации.

Лишь в 1994 г. Г. Хакен пришел к выводу, что взаимодействие внутреннего и внешнего порождает параметры порядка, которые по своей природе являются внутренне-внешними (Хакен, 2001). О.К. Тихомиров обнаружил феномены субъективно-объективного порядка и ввел понятие «ценностно-смысловая структура ситуации», характеризующее эффект взаимодействия человека с объективно заданными условиями, намного раньше (Тихомиров, 1972, 1974). В борьбе с «кибернетической метафорой» первоначально возникла идея разведения психологической и информационной характеристик структуры задачи, которая в дальнейшем привела к дифференциации формальной и неформальной (т.е. смысловой и ценностной) структуры задачи (Тихомиров, 1975). Эта первичная дифференциация была необходима для последующей интеграции: было доказано, что объективно заданная ситуация в ходе мыслительной деятельности обретает ценностно-смысловые измерения.

В процессе многочисленных исследований было установлено, что в реальной мыслительной деятельности условия задачи не остаются неизменными. Первый уровень определяется формально-логической структурой условий задачи, заданной, например, в виде графов или перечня знаков. Второй уровень представлен ценностно-смысловыми измерениями, которые характеризуют субъективную

значимость отдельных элементов формально-логической структуры для организации поиска решения мыслительной задачи. Меняющиеся поисково-познавательные потребности обуславливают динамику ценностно-смысловой структуры ситуации и тем самым определяют процесс мыслительной деятельности с точки зрения его избирательности и направленности.

Так в рамках смысловой теории мышления намечился путь, ведущий к исправлению того, что Л.С. Выготский назвал «ошибкой нашего анализа». Анализируя причины кризиса, которые переживала созданная им теория, Л.С. Выготский отметил: «Ошибкой нашего анализа является то, что анализ ведется в 2-х планах: внешнее поле и смысловое поле — нет единства, а параллелизм и соответствие. Надо взять единый план...» (цит. по: Завершнева, 2008, с. 129). Выготский не успел исправить эту ошибку, но О.К. Тихомиров своим понятием «динамическая ценностно-смысловая структура ситуации» намечил путь ее исправления. По моему мнению, основное достоинство смысловой теории мышления заключается в том, что она исходно была направлена на преодоление дихотомии внешнего и внутреннего, объективного и субъективного. Дихотомии, на которой держалась классическая психология и которую не смогла в полной мере преодолеть психология неклассическая.

«Наш недостаток, — подчеркивает Л.С. Выготский, продолжая анализировать “ошибки” теории, — заключается в том, что “мы слишком поздно ввели системную точку зрения. Сейчас я понимаю все это глубже”» (там же, с. 133). В чем заслуга О.К. Тихомирова? В том, что он практически на заре становления смысловой теории мышления ввел в оборот системный конструкт «ценностно-смысловая структура ситуации». Этим конструктом О.К. Тихомиров указал на существование взаимоперехода между субъективной и объективной реальностями и порождение в этом переходе ценностей и смыслов как особых (системных) качеств, которые не только указывают возможное направление развития мыслительной деятельности, но одновременно актуализируют готовность человека двигаться в этом направлении.

С выявления многомерной системной природы этого конструкта мы (я и мои первые аспиранты) начали построение *теории психологических систем* (ТПС). Замечу, что исходная идея О.К. Тихомирова не только открывала путь к познанию многомерного пространства мыслительной деятельности. Это был прямой выход к онтологии смысла. В ТПС смыслы становились тем, что определяет границы жизненного мира человека, выделяет его из того пространства, которое часто называют безликим словом «окружение». Человек проецирует в это окружение свое состояние, свои актуальные потребности и возможности, создавая неповторимую, динамичную «смысловую

разметку» многомерного пространства жизни, обеспечивающего многомерность его бытия.

Необходимо согласиться с тем, что до сих пор психология уделяет мало внимания этому встречному движению человека к миру, предпочитая видеть в мире источник причин как нашего отражения, так и наших аффектов (в виде реакции на отраженное). Тем не менее именно в культурно-деятельностной психологии деятельность выступила как способ раскрытия отношения человека к миру и к самому себе, а сущность психики стала выступать с ее «положительной стороны» как «интенциональное отношение к предмету» (Выготский, 1986, с. 59). Главным для ТПС стал вопрос о том, каким образом интенциональное отношение человека транспонируется, проецируется в предметы и явления внешнего мира, делая их многомерными «человеческими предметами», отвечающими ожиданиям, намерениям, потребностям и возможностям человека. Заметим, что Л.С. Выготский никогда не прекращал поиск «психологических свойств внешнего», через которые человек обретает способность воздействовать на себя, «извне овладевать собой» (Выготский, 1982, с. 106). Но к этим сверхчувственным (психологическим) качествам предметов еще надо было выйти, сделав невероятно сложный ход — ввести отношение в отражение. Практически это выход к совмещению двух сторон «...единой характеристики сознания. Одна сторона — это процессуальная сторона, другая — феноменальная, смысловая, она же — предметная» (Леонтьев, 1994, с. 36).

Здесь стоит оценить правоту С.Л. Франка: «Человек есть живой центр духовных сил, направленных на действительность. Это внутреннее, субъективное отношение человека к действительности, эта *направленность* человеческой души на мир, образующая самое существо того, что мы зовем нашей жизнью... оставалась совершенно вне поля зрения обычной, так называемой “эмпирической психологии”» (Франк, 1995, с. 441).

И еще одну «ошибку» теории выделяет Л.С. Выготский: «...как только мы оторвали мышление от жизни (от динамики) — взяли его как понятие психического, а не психологического — мы закрыли себе всякий путь к выяснению и объяснению его главного свойства: определять образ жизни и поведения» (цит. по: Завершнева, 2008, с. 129). Интересное совпадение: первая же докторская диссертация, выполненная в рамках ТПС, была посвящена исследованию места и роли мышления в реальной жизнедеятельности (Красноярцева, 1997), и основная функция мышления открылась в ней именно таким образом, как и предполагал Л.С. Выготский. Эта функция заключается в постоянном выявлении противоречия между образом мира и образом жизни человека и в определении способов его разрешения. Образ жизни нельзя рассматривать изолированно от образа мира,

потому что изменение образа мира предполагает изменение образа жизни и, наоборот, изменение образа жизни оборачивается изменениями в образе мира человека. Становясь суверенной личностью, т.е. личностью, обладающей всей полнотой координат многомерного мира, человек получает возможность менять образ жизни, стимулируя тем самым дальнейшее развитие собственного мира. В разрешении противоречия между образом мира и образом жизни проходит и сама жизнь человека (Клочко, 1988; Клочко, Краснорядцева, 2001).

Если бы приведенные выше выдержки из заметок и дневниковых записей Л.С. Выготского были доступны нам в те времена, когда осуществлялись наши первые исследовательские программы, это поддержало бы уверенность в правильности выбранного пути и, может быть, облегчило бы восприятие материала коллегам. Однако необходимо по достоинству оценить научную интуицию О.К. Тихомирова, который вывел научное направление к изучению онтологии смысла и начал работать прямо с того места, на котором остановился Л.С. Выготский. Тогда мы еще не знали об этапах развития науки, хотя, конечно, понимали, что классическая наука использовала свой идеал рациональности, который вовсе не предполагал вторжения иррационального в сферу рациональных рассуждений, и что неклассическая наука подошла к проблеме «единства интеллекта и аффекта», и именно эту проблему пытались разрешить. Но мы не знали о том, что решение этой проблемы возможно только в рамках постнеклассической парадигмы. О ней, впрочем, мы тоже ничего не знали до известной публикации В.С. Степина в 1989 г. ([эл. ресурс]). Именно потому, что проблема единства аффекта и интеллекта была заявлена в неклассической психологии, а решения в ней получить не могла, и начались основные трудности, причем такого масштаба, что они стали определять судьбу научных школ и направлений.

Дело в том, что связка «интеллект → аффект», т.е. движение от отражения к переживанию результатов отражения, особых трудностей не вызывала. Казалось самоочевидным, что аффект следует за интеллектом, ибо нельзя относиться к чему-то, если оно еще не отражено. Вторая половина принципа единства аффекта и интеллекта — движение по линии «аффект → интеллект» — порождала трудности, на первых порах непреодолимые. Необходимо было объяснить, каким образом аффект (отношение) может идти впереди интеллекта, прокладывая дорогу познанию, определяя его избирательность и направленность.

Относительно самой проблемы единства аффекта и интеллекта А.Н. Леонтьев писал: «Я знаю, что она не была решена в смысле обратного движения аффект — интеллект. Она и не могла быть решена. Именно в силу того, что эта проблема осталась принципиально не разрешимой, все построение Льва Семеновича возвратилось к

классическим позициям французской социологической школы» (Леонтьев, 1994, с. 39). В связи с этим отметим, что О.К. Тихомиров сконцентрировал усилия именно на этой, остававшейся «принципиально неразрешимой» проблеме «аффект → интеллект».

Уже первые исследования О.К. Тихомирова и Ю.Е. Виноградова показали, что эмоциональные состояния входят в качестве необходимого компонента в состав человеческих эвристик. Эксперименты состояли в непрерывной объективной регистрации эмоциональных состояний (записывалась реакция изменения электрического сопротивления кожи) во время умственной работы по решению трудных шахматных этюдов. Было установлено, что эмоциональные состояния непосредственно участвуют в ограничении числа просматриваемых возможностей при выборе хода. Оказалось, что момент возникновения эмоциональных состояний приурочен к выявлению нового принципа действий. В этот момент происходит фиксация умственной деятельности на изучении вариантов, связанных только с этим найденным ходом. Было выявлено, что «сознательным оценкам хода как правильного или неправильного, хорошего или плохого предшествуют оценки эмоциональные, и на основании этих оценок осуществляется как бы предварительный, ориентировочный отбор» (Тихомиров, 1966, с. 31). Создается интенция, отражающая эмоциональную оценку, т.е. позицию субъекта по отношению к ситуации. Эти эмоциональные оценки, определяющие зону дальнейшего поиска, ограничивающие его, выступают в качестве эвристик (Тихомиров, Виноградов, 1969).

Указанные идеи О.К. Тихомирова, несмотря на их экспериментальное подтверждение, с трудом пробивали себе дорогу. В 1984 г. Б.Ф. Ломов напишет: «...Неясно, конечно, являются ли эмоции специфической формой отражения (наряду, например, с образной и знаковой) или их компонентом. Однако несомненно, что эмоции характеризуют состояния субъекта отражения и поэтому не могут не влиять на процесс отражения» (Ломов, 1984, с. 131). Иными словами, процесс отражения идет сам по себе, эмоции влияют на него, поскольку характеризуют состояние субъекта отражения. Вряд ли кто-нибудь станет опровергать это заключение. Гораздо труднее представить аффект не как то, что *влияет* на отражение, а как то, что *входит в процесс* отражения в качестве его органической составляющей, благодаря которой человек открывает для себя пространство свободного движения.

Психология в поисках онтологических оснований смысла

Однако было бы не совсем корректным считать, что вклад смысловой теории мышления в изучение процессов смыслообразования определяется исключительно открытием операциональных смыслов,

понимаемых как результат проекции в ситуацию деятельности текущих познавательных поисковых потребностей, развитие которых определяет смысловую динамику ситуации. Образ потребности, которая «находит себя в предмете» и тем самым порождает смысл как особую характеристику предмета, отражающую его способность отвечать на поисковый запрос, избыточно метафоричен. В нем сквозит антропоморфизм в виде образа потребности, обладающей собственной активностью, направленной на отыскание отвечающего ей предмета, и способностью различать предметы и оценивать их по критерию соответствия себе. Сам механизм смыслообразования при этом остается невскрытым. Исследования показывали, что в условиях актуальной (не мыслительной) деятельности проецируются не только потребности, но и возможности человека, которые также могут выполнять функцию источника активности, порождая смыслы другого рода, т.е. выступая в качестве «мотивообразующих смыслов», участвующих в трансформации тривиальной (алгоритмической, стереотипной и т.п.) деятельности в деятельность мыслительную (Тихомиров, Клочко, 1974, 1976, 1980; Тихомиров и др., 1984).

Задача поиска онтологических оснований смысла тем не менее не потеряла своей сложности. Трудности стали концентрироваться вокруг проблемы взаимосвязи смыслов и эмоций. Так, В.К. Вилюнас отметил, что психологическая интерпретация процессов смыслообразования «затрудняется прежде всего из-за неопределенного положения понятия «эмоция» среди объяснительных категорий теории деятельности, что проявляется, в частности, в неоднозначном описании соотношения между эмоцией и смыслом, эмоцией и мотивом» (Вилюнас, 1983, с. 198—199). Анализируя утверждение А.Н. Леонтьева о том, что эмоции регулируют деятельность, отражая тот смысл, который имеют объекты и ситуации, воздействующие на субъекта, В.К. Вилюнас говорит, что это утверждение можно понять двояко. С одной стороны, эмоции сами выражают смысл, являются формой его существования; с другой стороны, можно думать, что смысл имеет независимое онтологическое выражение, тогда как эмоции его отражают, о нем сигнализируют. По мнению исследователя, к последней трактовке склоняет утверждение А.Н. Леонтьева о том, что эмоции способны ставить перед субъектом «задачу на смысл», из которого следует, что эмоция — еще не смысл, последний возникает вслед за эмоцией в результате решения субъектом поставленной ею задачи (там же). Итак, являются ли эмоции формой существования смысла или смысл имеет независимое онтологическое выражение?

С моей точки зрения, эмоции могут быть признаны формой существования смысла в том случае, если сам смысл будет понят в его онтологическом выражении. Смыслы возникают в результате взаимодействия человека (понимаемого как открытая, саморазви-

вающаяся и самоорганизующаяся система) с его средой. В силу этого они (смыслы) выступают в качестве динамических внечувственных системных качеств, фиксирующих соответствие явлений и предметов текущим состояниям человека, его запросам и ожиданиям, обращенным в мир. Вот эти сверхчувственные качества предметов (смыслы и ценности) и «считывают» эмоции. Смыслы можно рассматривать как своеобразный отклик мира на эти запросы, а эмоции выступают в функции того, что обеспечивает смысловой характер сознания, благодаря чему достигается эффект осмысленности: в поле ясного сознания всегда попадает то, что имеет для человека актуальный смысл и ценность. Благодаря этому сознание человека оказывается сконцентрированным не на любом фрагменте «объективной реальности», а на выделенном смысловой разметкой актуальном («напряженном») секторе пространства жизни. В моей книге «Саморегуляция мышления и ее формирование» (Клочко, 1987) утверждалось, что если эти теоретические построения адекватны, то должны быть обнаружены нейроны подкорковых структур, специализированные на отражении смыслов.

Сделанное позднее открытие в области нейрофизиологии (Н.П. Бехтерева и соавторы), занесенное в Государственный реестр научных открытий СССР в 1990 г., поддержало мои усилия по дальнейшей разработке теории. Формула открытия: «Установлено неизвестное ранее свойство нейронов подкорковых образований мозга человека реагировать на смысловое содержание воспринимаемой органами чувств информации, обуславливающее их функционирование в качестве звеньев системы, реализующей мысленную деятельность, и заключающееся в появлении вследствие процесса восприятия информации отсроченных (длиннолатентных) изменений частоты разрядов этих нейронов» (Государственный реестр открытий [эл. ресурс]).

Смыслообразование: постнеклассический ракурс

Так что же лежит в основании смыслообразования? С моей точки зрения, его основу составляет процесс, функционирование которого подчиняется принципу избирательного и направленного взаимодействия. На этом принципе базируется системная антропологическая психология — направление, в которое постепенно переросла ТПС (Galazhinskiy, Klochko, 2012).

В широком смысле этот принцип применим по отношению к любым открытым системам, которые изучают как гуманитарные, так и естественные науки. Суть этого принципа в следующем. Можно утверждать, что все открытые системы умеют распознавать в безразличной для них среде то, что имеет для них актуальный смысл, т.е. непосредственное отношение к их текущему состоянию. Они не

ждут, когда к ним случайным образом или, что почти то же самое, в процессе бессмысленного перебора всего сущего «прилетит» извне нечто, имеющее смысл здесь и теперь. Существовая за счет обмена со средой, они имеют свои, отработанные эволюцией органы отбора, принцип работы которых при всей несопоставимости их сложности одинаков.

Открытые системы способны проецировать в среду свое ожидание, свои дефициты и возможности и тем самым так *искажать ее своим присутствием*, что в ответ на этот запрос, обращенный к среде, из нее отзывается, резонирует только то, что способно ответить на это ожидание, т.е. то, что имеет для нее актуальный смысл. На этом принципе работают как электрические поля, окружающие заряженную частицу, так и смысловые поля человека (подробнее см.: Клочко, 2012; Galazhinskiy, Klochko, 2012). Если это так, то намечается возможность выйти к общему основанию, позволяющему сблизить естественно-научное и гуманитарное мышление, а такое сближение является составной частью более глубокой проблемы синтеза двух культур мышления в рамках построения целостной картины мира. Наблюдающийся до сих пор разрыв между двумя культурами мышления принципиальным образом ограничивает развитие самого научного знания, одновременно гася надежду на построение единой самосогласованной научной картины реальности.

Культуры мышления в своей развитой форме не опознают друг друга как взаимодополняющие. В.С. Библер (1991) указывает, что дополнительность взаимоисключающих определений оказалась «труднопереносимой для разума», воспитанного классической наукой, хотя теперь (с учетом опыта освоения неклассической парадигмы) труднопереносимой для нашего разума становится совсем другая идея, гораздо более сложная. Признав на переходе к неклассическим идеалам рациональности комплементарное взаимодействие (от латинского *complementum* — дополнение), сегодня, на стадии освоения идеалов постнеклассической рациональности, мы вынуждены признать существование комплементарных взаимодействий (от французского *compliment*, имеющего специальный научный оттенок: «взаимная симпатия», приводящая к слиянию взаимодействующих сторон). По Л.Н. Гумилеву, использовавшему оба термина, комплементарность — это акт понимания, выходящий за границы эмпирического опыта данной культуры, основа симбиоза культур, вторжение одной действительности в другую, вызывающее *порождение новой действительности*. Но разве не об этом пишет О.К. Тихомиров? «Перед современным отечественным психологом, изучающим природу психического, лежат, по крайней мере, два пути. Один состоит в конкретизации представлений о психике как “отражении” реальности, второй — в разработке представлений о

психике как порождении новой реальности. Я выбираю второй путь» (Тихомиров, 1992, с. 59).

Однако если идея дополнительности взаимоисключающих определений до сих пор кажется сложной, то через комплиментарность мы сталкиваемся с вещами сверхсложными, лежащими за пределами гносеологически понятого взаимодействия субъекта с объектом. Например, у В. Франкла дополнительность конституирует себя через принцип «соприсутствия духовного сущего другому сущему». Пытаясь определить принцип экзистенции, он приходит к выводу, что сопричастие есть «интенциональность духовного сущего». Признание этого, считает Франкл, освобождает нас от бремени доказательства, как одно проникает в другое. Плата за это освобождение заключается в отказе от дальнейших вопросов, в том числе и от вопроса, что стоит за этой последней предельной способностью духа сопричастиваться иному сущему (Франкл, 1990). Онтология познания, считал В. Франкл, не может открыть сущность сопричастивания: духовное сущее «как-то» сопричастивается иному сущему, и это надо принять, избегая вопроса о том «как именно» это происходит. Ясно, что наука не обойдет этот вопрос. Она выйдет к онтологии взаимодействия, к механизмам его избирательности и направленности, к отношению, включенному в сердцевину акта взаимодействия, как условия, обеспечивающего саму возможность взаимодействия, обладающего порождающим эффектом. Этим открывается путь к познанию сущности саморазвития, к объяснению механизмов усложнения системной организации как способа устойчивого существования открытых систем.

Таким образом, всего одна буква отличает понятия «комплементарность» и «комплиментарность», но каждое из них знаменует собой целую эпоху в развитии научной мысли, а дистанция между ними конституирует тенденцию закономерного усложнения научного мышления. Самое же интересное заключается в том, что если понятие «комплементарность» (и его аналоги) пришло в гуманитарные и социально-экономические науки из естественно-научных дисциплин, то понятие «комплиментарность» совершает обратную эволюцию — из гуманитарного знания в естественно-научное. И если пять лет назад частота употребления этих двух связанных понятий и их аналогов, например, в Рунете была зафиксирована на уровне тысячи различного рода работ, то сегодня мы имеем уже вряд ли легко поддающееся исчислению количество работ практически во всех науках, как естественных, так и гуманитарных.

О чем это говорит? Может быть, о том, что различные культуры пусть и неосознанно, но приближаются к признанию того, что расхождение присущих им логик не исключает, а, наоборот, предполагает общую точку их происхождения, некое исходное первородное

начало. Во всяком случае, сегодня практически ни одна из наук не может обойти своим вниманием избирательность и направленность взаимодействия, которые открываются в пределах свойственных этим наукам предметов исследования. О комплементарных (и комплиментарных) взаимодействиях нуклеотидов в молекулах ДНК пишут в молекулярной генетике, но о таких же взаимодействиях пишут этнологи, экономисты, химики, лингвисты и т.д. Однако до сих пор очень мало внимания уделяется тому, о чем говорит использование одних и тех же понятий в разных науках, на какие универсалии мироустройства они указывают.

Принцип избирательности и направленности взаимодействия представляет собой теоретико-методологическое обоснование идеи о том, что Универсум, вбирающий в себя все виды систем, в том числе и живых, имеет общий семантический базис. Иными словами, разные уровни организации материи, представляя разные по своей сложности семантические структуры, используют один и тот же принцип смыслообразования, благодаря которому Универсум обеспечивает свою устойчивость как саморазвивающееся явление.

Непонимание возникает в том случае, когда на вопрос, который задает сегодня физик психологу по поводу избирательной работы мозга, явно сформулированный в бинарной логике, он получает ответ, сформулированный в многомерной логике. Очень трудно объяснить физику, математику, физиологу, что мозг не перерабатывает весь объем информации, поступающий через рецепторы. Что на переработку поступает только то, что имеет смысл и ценность. И что дело, может быть, даже не в мозге, потому что с задачей отбора значимой информации справляются существа, не имеющие мозга, но в том, что их пространство жизни представлено своей пусть и более простой, но семантически оформленной реальностью. Я уверен, что представители разных наук смогут лучше понять друг друга, если осознают, что за используемыми ими понятиями и формулами просвечивает исходная семантика Универсума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Библер В.С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. [Bibler, V.S. (1991). *От naukouchenija — k logike kul'tury. Dva filosofskih vvedenija v dvadcat' pervyj vek.* Moskva: Politizdat]

Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. [Vasiljev, I.A., Popluzhnihyj, V.L., Tikhomirov, O.K. (1980). *Jemocii i myshlenie.* Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Вилюнас В.К. Теория деятельности и проблемы мотивации // А.Н. Леонтьев и современная психология. (Сб. статей памяти А.Н. Леонтьева) / Под

ред. А.В. Запорожца, В.П. Зинченко, О.В. Овчинниковой, О.К. Тихомирова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 191—200. [Vilyunas, V.K. (1983). Teorija dejatel'nosti i problemy motivacii. In: A.V. Zaporozhec, V.P. Zinchenko, O.V. Ovchinnikova, O.K. Tikhomirov (Eds), A.N. Leontiev i sovremennaja psihologija. (Sbornik statej pamjati A.N. Leontieva) (ss. 191—200). Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. [Vygotsky, L.S. (1982). *Sobranie sochintnij*: V 6 t. T. 1. Moskva: Pedagogika]

Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. С. 52—63. [Vygotsky, L.S. (1986). Konkretnaja psihologija cheloveka. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 52—63]

Галажинский Э.В., Ключко В.Е. Категория «отношение» в психологии в свете парадигмальной динамики науки // Мир психологии. 2011. № 4 (68). С. 14—31. [Galazhinskiy, E.V., Klochko, V.E. (2011). Kategorija «otnoshenie» v psihologii v svete paradigmal'noj dinamiki nauki. *Mir Psikhologii*, 4 (68), 14—31]

Государственный реестр открытий СССР. [Gosudarstvennyj reestr otkrytij SSSR] URL: <http://ross-nauka.narod.ru/03/03-347.html>

Завершнева Е.Ю. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 120—135. [Zavershneva, E.Yu. (2008). Zapisnye knizhki, zametki, nauchnye dnevniki L.S. Vygotskogo: rezul'taty issledovaniya semejnogo arhiva. *Voprosy Psikhologii*, 2, 120—135]

Ключко В.Е. Саморегуляция мышления и ее формирование. Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. [Klochko, V.E. (1987). *Samoreguljacija myshlenija i ee formirovanie*. Karaganda: Izd-vo KarGU]

Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал (Томск). 1988. Вып. 8—9. С. 7—15. [Klochko, V.E. (1988). Stanovlenie mnogomernogo mira cheloveka kak suschnost' ontogeneza. *Sibirskij Psihologicheskij Zhurnal (Tomsk)*, 8—9, 7—15]

Ключко В.Е. Проблема одаренности: транспективный анализ тенденций развития // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 3. С. 67—77. [Klochko, V.E. (2012). Problema odarennosti: transspektivnyj analiz tendencij razvitiya. *Teoreticheskaja i Jeksperimental'naja Psihologija*, 5, 3, 67—77]

Ключко А.В., Краснорядцева О.М. Суверенность как результат становления человека в совмещенной психологической системе // Вестник БГПУ. Психолого-педагогические науки. 2001. № 1. С. 4—9. [Klochko, A.V., Krasnoryadceva, O.M. (2001). Suverenost' kak rezul'tat stanovlenija cheloveka v sovmeschennoj psihologicheskoy sisteme. *Vestnik BGPU. Psihologo-pedagogicheskie nauki*, 1, 4—9]

Краснорядцева О.М. Психологические особенности возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 1997. [Krasnorjadceva, O.M. (1997). *Psihologicheskie osobennosti vznikhnovenija i reguljicii myshlenija v real'noj zhiznedejatel'nosti*: Avtoref. diss. ... dokt. psihol. nauk. Moskva]

Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. [Leontiev, A.N. (1994). *Filosofija psihologii: Iz nauchnogo nasledija* / A.A. Leontiev, D.A. Leontiev (Red). Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. [Leontiev, D.A. (2003). *Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti*. Moskva: Smysl]

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. [Lomov, B.F. (1984). *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii*. Moskva: Nauka]

Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. 1989. [Электронный ресурс]. URL: http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml [Stepin, V.S. (1989). *Samorazvivajuschiesja sistemy i postneklassicheskaja racional'nost'*. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://filosof.historic.ru/books/c0026_1.shtml]

Тихомиров О.К. Экспериментальный анализ эвристик // Эвристические процессы в мыслительной деятельности: XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 25. М.: Наука, 1966. С. 25—32. [Tikhomirov, O.K. (1966). *Jeksperimental'nyj analiz jevristik*. In: *Jevristicheskie processy v myslitel'noj dejatel'nosti: XVIII Mezhdunarodnyj psihologicheskij kongress. Simpozium 25* (ss. 25—32). Moskva: Nauka]

Тихомиров О.К. Психология и кибернетика // США: экономика, политика, идеология. 1972. № 7. С. 94—104. [Tikhomirov, O.K. (1972). *Psihologija i kibernetika*. *SShA: jekonomika, politika, ideologija*, 7, 94—104]

Тихомиров О.К. Информационная и психологическая теории мышления // Вопросы психологии. 1974. № 1. С. 40—48. [Tikhomirov, O.K. (1974). *Informacionnaja i psihologicheskaja teorii myshlenija*. *Voprosy Psihologii*, 1, 40—48]

Тихомиров О.К. Актуальные проблемы развития психологической теории мышления // Психологические исследования творческой деятельности / Отв. ред. О.К. Тихомиров. М.: Наука, 1975. С. 5—22. [Tikhomirov, O.K. (1975). *Aktual'nye problemy razvitija psihologicheskoi teorii myshlenija*. In: O.K. Tikhomirov (Ed), *Psihologicheskie issledovanija tvorcheskoj dejatel'nosti* (ss. 5—22). Moskva: Nauka]

Тихомиров О.К. Замечания рецензента на статью Е.А. Климова «Об амбифлекторной природе психического» // Вестн. Моск ун-та. Сер. 14. Психология. 1992. № 1. С. 51—60. [Tikhomirov, O.K. (1992). *Zamechanija recenzenta na stat'ju E.A. Klimova «Ob ambiflektornoj prirode psihicheskogo»*. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 51—60]

Тихомиров О.К., Виноградов Ю.Е. Эмоции в функции эвристик // Психологические исследования. Вып. 1 / Под ред. А.Н. Леонтьева и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 3—24. [Tikhomirov, O.K., Vinogradov, Yu.E. (1969). *Jemocii v funkcii jevristik*. In: A.N. Leontiev i dr. (Eds) *Psihologicheskie issledovanija*, 1 (ss. 3—24). Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta]

Тихомиров О.К., Ключко В.Е. Формирование оценок на начальной стадии решения задачи // Сб. науч. трудов по гуманитарным наукам. Караганда: КарГУ, 1974. С. 283—288. [Tikhomirov, O.K., Klochko, V.E. (1974). *Formirovanie ocenok na nachal'noj stadii reshenija zadachi*. *Sbornik nauchnyh trudov po gumanitarnym naukam* (ss. 283—288). Karaganda: KarGU]

Тихомиров О.К., Ключко В.Е. Обнаружение противоречия как начальный этап формирования задачи // «Искусственный интеллект» и психология / Отв. ред. О.К. Тихомиров. М.: Наука, 1976. С. 176—205. [Tikhomirov, O.K., Klochko,

V.E. (1976). Obnaruzhenie protivorechija kak nachal'nyj jetap formirovanija zadachi. In: O.K. Tikhomirov (Ed), «*Iskusstvennyj intellekt*» i psihologija (ss. 176—205). Moskva: Nauka]

Тихомиров О.К., Ключко В.Е. Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности // Вопросы психологии. 1980. № 5. С. 23—31. [Tikhomirov, O.K., Klochko, V.E. (1980). Jemocional'naja reguljacija myslitel'noj dejatel'nosti. *Voprosy Psihologii*, 5, 23—31]

Тихомиров О.К., Ключко В.Е., Краснорядцева О.М. Саморегуляция мыслительной деятельности на стадии инициации. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 15772. Караганда: КарГУ, 1984. [Tikhomirov, O.K., Klochko, V.E., Krasnoryadceva, O.M. (1984). Samoreguljacija myslitel'noj dejatel'nosti na stadii iniciacii. Dep. v INION AN SSSR. № 15772. Karaganda: KarGU]

Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995. [Frank, S.L. (1995). *Predmet znaniya. Dusha cheloveka*. Sankt-Peterburg: Nauka]

Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. URL: <http://www.gennadij.pavlenko.name/ex-book?text=44> [Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskah smysla*. Moskva: Progress. URL: <http://www.gennadij.pavlenko.name/ex-book?text=44>

Хакен Г. Принципы работы головного мозга. М.: ПЕР СЭ, 2001. [Khaken, G. (2001). *Principy raboty golovnoho mozga*. Moskva: PER SE]

Galazhinskiy, E.V., Klochko, V.Y. (2012). System Anthropological Psychology: Methodological Foundations. In: Yu.P. Zinchenko & V.F. Petrenko (Eds), *Psychology in Russia: State of the Art. Scientific Yearbook* (pp. 81—98). Moscow: Lomonosov Moscow State University; Russian Psychological Society.